

INSPIRIA

Утро
без
Мии

Маюми
Инаба

INSPIRIA

Маюми Инаба

Утро без Мии

Серия «Loft. Идеальные дни»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74324181

М. Инаба. Утро без Мии: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-251589-7

Аннотация

Прохладным летним вечером 1977 года Маюми Инаба слышит жалобный писк, доносящийся с реки Тамагава в Токио. Она идёт на звук и находит крошечного котёнка, брошенного на произвол судьбы. Переполненная нежностью, она забирает его домой и называет Мии. Так начинается история их большой любви.

В течение следующих двадцати лет мы следим за Ина-бой, поэтессой и писательницей, ищущей тишину и собственный голос. Мии становится для Маюми музой, подругой и отражением её собственной хрупкости.

Содержание

Глава 1. Котенок на ветру	5
В тени акаций	5
Первая встреча	7
Кошка из воспоминаний	8
Имя кошки	10
Глава 2. Предчувствие Разлуки	13
Переезд	13
Избранник Мии	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Маюми Инаба

Утро без Мии

Mayumi Inaba

Mii No Inai Asa

© 1999 Yuji Hirano All rights reserved

© Publishing House «Eksmo», 2026 for the Russian edition

© Зеленцова Д., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2026

* * *

Глава 1. Котенок на ветру

В тени акаций

Дом оказался просторным: светлая кухня, две комнаты в шесть татами и одна поменьше – в четыре с половиной. Из каждого окна открывался вид на улицу. До ближайшего соседского дома было далеко, и кругом царила такая тишина, что сквозь стены не доносилось ни единого звука.

В доме витала особая, почти осязаемая атмосфера. Воздух был наполнен приглушенными голосами, ощущалось чье-то незримое присутствие. В каждой комнате пахло по-своему, а сам воздух был пропитан чувством уюта и доброты. Казалось, душа строителя, который возвел этот дом, до сих пор живет в его стенах. И хотя дом в Футю принадлежал чужим людям, жилось в нем куда спокойнее, чем в моем прежнем жилище.

Я перестала покупать желтые ткани. Белый цвет теперь гармонировал с новым домом. Белоснежные шторы и интерьер, очищенный от всего лишнего, смотрелись куда естественнее.

На полах не было ковров, и я полюбила ходить босиком по прохладному деревянному настилу – это ощущение стало для меня воплощением самого понятия «дома».

Занавески колышутся в такт ветру,
Комнаты залиты белым светом.
Этот дом пахнет деревом и тишиной —
Таким чужим и таким моим.

Я привыкла наблюдать, как ветер раскачивает качели, и чувствовать под ногами мягкую траву в саду. Диван, буфет и инструменты в кладовке остались от прежних хозяев, но казалось, будто я живу здесь уже минимум полгода. По вечерам в выходные я неспешно бродила по берегу Тамагавы, любуясь водной гладью.

Ранней весной в нашем квартале зацвели белый и розовый кизил. Повсюду виднелись небольшие рощицы, сплошь усыпанные цветами белой акации. Мы вселились осенью, но весна пришла в один миг, и пейзажи за окном стали стремительно меняться.

Лишь когда распустились эти белые цветы, я поняла, что лес перед домом — целая роща белой акации. Стоило открыть окно, как комнаты наполнял густой аромат, принесенный ветром. Его порывы колыхали занавески. От одного вида цветущих деревьев мир вокруг будто светлел. Мне казалось, я впервые попала в город, который благоухал ветром.

Жизнь текла так мирно, трудно было представить, что я недавно переболела желтухой

Первая встреча

Именно тогда я и встретила ее. Она ворвалась в мое ослабевшее сердце – появилась так незаметно, что, будь я чуть собраннее, мы бы разминулись. В те дни блаженной отрешенности меня не мучила прежняя тоска и я не металась по дому с тряпкой для пыли. Возможно именно эта моя беззащитность и позволила кошке войти в мою жизнь.

Я медленно шла навстречу ветру. Мой голос растворялся в его потоке, и, должно быть, я и сама медленно плыла по этому течению. Ветер дул прямо в лицо – наверное, со стороны Тамагавы, врываясь в жилой квартал. Возле забора средней школы в городе Футю на берегу Тамагавы я и встретила кошку. На земле лежал маленький комочек, похожий на пушистый клубок. Совсем еще крошечный котенок.

Не думая о последствиях, я заглянула котенку в глаза, погладила его по шерстке и пошла своей дорогой.

Конец лета 1977 года. Кажется, это был самый его исход. Я встретила кошку.

Кошка из воспоминаний

Кошка по имени Сиро принадлежала пожилой Цунэ-сан и имела привычку исчезать, каждый раз ввергая семью в переполах. Но куда же на этот раз подевалась кошка? Бескрайние деревенские просторы – поля, огороды, бамбуковые рощи – делали поиски почти безнадежными. Пока взрослые металась в тревоге, Сиро, не ведая об их волнениях, обычно спокойно оставалась дома. Убирать за ней грязные следы приходилось маме, но то ли она уже привыкла, то ли просто не придавала этому значения – она лишь отмахивалась.

Все были уверены, что это именно Сиро устроила себе в тот день логово в углу комнаты, словно на дне морском. Цунэ-сан лишь покачивала головой и смеялась: «Ах, ах, ну и проказница!»

Совсем иначе она выглядела, когда Сиро безмятежно дремала в кладовке или в саду – ее лицо тогда озарялось тихим умиротворением. Но в холодные дни, стоило кошке прикормиться у раскаленной жаровни, на Цунэ-сан накатывала тревога... Вокруг нашего дома все еще появлялись охотники за кошками. С помощью специальной проволоки, скрученной особым образом, они могли в мгновение ока затянуть петлю на кошачьей шее. Старая щель в колодце на территории нашего дома делала эту угрозу особенно реальной.

Страх Цунэ-сан был всегда одним и тем же: как бы шкур-

ка Сиро не пошла на деку для сямисэна. «Уж не к тем ли мастерам из Нэримы, что делают сямисэны, она попадет?» – восклицала она, и в голосе ее слышалась настоящая паника.

Когда из разных концов дома доносились встревоженные возгласы: «Сиро же была здесь совсем недавно! Надо обыскать все тщательнее! Что же она натворила!» – весь дом погружался в атмосферу напряженного ожидания. «А Сиро не видели?» Случалось, что в самый разгар поисков и собака Сико, и кошка все еще оставались в числе пропавших без вести.

Имя кошки

А тем временем котенок лежал на кухонном столе, съевшись в комок на старой тряпке, словно в конвульсиях. Взгляни на него тогда в увеличительное стекло – и можно было лишь удивляться, откуда на таком крошечном тельце взялось несметное полчище блох, кишмя кишящих у него на животе.

Я налила в блюдце молока из холодильника, собрала старые полотенца и робко наблюдала за ним. Этот маленький комочек, появившийся на свет совсем недавно, еще не научился прятаться. В поисках молока он доверчиво уткнулся головой в мою ладонь.

Маленький котенок, будто сошедший со страниц моих воспоминаний, был совсем не похож на Сиро. Дикая кошачья повадка в нем уже проступала, но вместе с тем он словно нес на себе груз какого-то врожденного преступления. В ясные прекрасные дни, когда солнце стояло в зените, стоило мне пристально посмотреть на него – и в его глазах читалась вся первозданная сущность бродячей кошки, еще не познавшей этот мир.

Я назвала котенка Мии. В день, когда я принесла ее домой, у меня не было для нее имени. Я просто смотрела и думала: «Какая же ты маленькая...»

Она была так мала, что умещалась на сложенных ладонях.

Ее шерстка была цвета пыльной дороги. Когда я гладила ее, под пальцами прощупывались крошечные, хрупкие ребра.

Котенок, принесенный ветром,
Ты вошел в мой дом,
И тишина отступила
Перед твоим первым «мяу».

Я устроила ее в картонной коробке из-под яблок, которую поставила в углу кухни, и накрыла старым полотенцем. Ночью она плакала. Ее жалобный писк был так тонок, что напоминал комариный звон. Я вставала, грела молоко и поила ее из пипетки.

Сначала я собиралась найти ей новых хозяев. Но дни шли, а я ничего не предпринимала. Коробка из-под яблок стала ее домом. Она научилась пить молоко из блюдца, и ее ночные жалобы почти прекратились. Как-то утром я обнаружила, что она выбралась из коробки и спит, прижавшись к моему тапочку. В тот миг я поняла: она останется со мной.

Имя пришло само собой. «Мии» не было сокращением. Оно родилось из звука, который она издавала. Оно подходило ей – короткое, мягкое, точно такое же, как она сама.

И вот у меня появился котенок. Дом, бывший до этого лишь временным пристанищем, наполнился новым смыслом. По утрам Мии встречала меня тихим «мяу», терлась о ноги, пока я готовила завтрак.

Иногда, глядя на нее, я вспоминала Сиро. Как же они бы-

ли непохожи! Сиро принадлежала тому старому миру, пропахшему деревом и углем. Мии же была частью этого нового, светлого дома и запаха белой акации за окном.

Она росла не по дням, а по часам. Пыльная шерстка посветлела, стала мягкой и шелковистой. Вскоре она уже не помещалась в коробке из-под яблок и перебралась на диван, где спала, свернувшись теплым клубочком.

Я купила ей ошейник с колокольчиком. Его звон раздавался по всему дому, отмечая ее путь из комнаты в комнату. Этот звук стал саундтреком моей новой жизни – спокойной и по-своему счастливой.

Этот крошечный комочек жизни, принесенный ветром, перевернул весь мой мир. Ее присутствие наполнило тишину дома смыслом, которого мне так не хватало. И с тех пор утро, не начавшееся с ее топота по деревянному полу, я уже не считала настоящим.

Ветер принес – ветер унесет,
Все в этом мире уйдет и пройдет.
Но пока ты со мной – каждое утро настоящее,
Каждое мгновение – как дар.

Глава 2. Предчувствие Разлуки

Переезд

Но аромат акаций того года для меня так и остался утраченным.

В конце сентября 1978 года нам снова пришлось собирать вещи. Господин А. возвращался из командировки в Токио, и мы должны были освободить его дом. Три года жизни в Футю подошли к концу.

Теперь, оглядываясь назад, я с трудом понимаю, как нам вообще удалось найти новое жилье. Мы оба были невероятно заняты. Муж пропадал в бесконечных командировках, а над нами, словно дамоклов меч, висела угроза внезапного перевода – совсем как у господина А. Мы уже прошли через это однажды: наша спокойная жизнь в пригороде Нагои оборвалась в один миг с его назначением в столицу. Все могло повториться.

Было ли это ритмом самого Токио или пульсом всей эпохи – но жизнь наша казалась удивительно неустойчивой. Город оглушал звуковой какофонией: из залов игровых автоматов доносилось назойливое пиканье Space Invaders, хиты Pink Lady лились из каждого динамика, а в народе витала тревожная легенда о Кутисакэ-онне – женщине с разорван-

ным ртом¹. Люди, замороженные, лишь молча наблюдали за этим новым миром.

То было странное время. Время, когда уже не разберешь – живешь ты в богатстве или в бедности; возможно, все общество пребывало тогда в каком-то всеобщем легкомысленном опьянении.

А в самом центре этого водоворота в постоянном движении находился мой муж. Он работал в иностранной компании, поставлявшей бумажные стаканчики, салфетки, ленту для флористов, а также занимавшейся дизайном цветочных композиций для стоек и баров и даже консультациями по мерчандайзингу. Как раз наступал расцвет сетевых ресторанов и курсов флористики при культурных центрах. Спрос повышался, дела шли в гору, а значит, в расписании прочно обосновались бесконечные деловые ужины, встречи и затяжные вечера с коллегами. Искать новый дом через агентства недвижимости в таком графике было немыслимо. Эта забота целиком легла на меня.

Мы жили вдвоем на две зарплаты, едва сводя концы с концами. Ни о каких накоплениях на собственный дом не могло быть и речи. Мечтать о квартире в центре, откуда было бы удобно добираться на работу, казалось наивным безумием.

Первоначальная арендная плата составляла, кажется, око-

¹ Имеется в виду известная японская городская легенда о прекрасной женщине Кутисакэ-онне (*яп.* «женщина с разорванным ртом»), которая была изуродована и убита своим ревнивым мужем, а затем вернулась в мир живых как мстительный злой дух. – *Прим. ред.*

ло пятидесяти тысяч иен. Цена была значительно ниже рыночной, потому что дом сдавался на особых условиях: хозяина перевели по службе, и жилье оставалось свободным лишь на два года, на время командировки.

Управляли домом родители хозяина, пожилая пара по фамилии Т., жившая по соседству, за железными воротами. Наш дом был полностью скрыт за их домом, да к тому же стоял в самой глубине тупикового переулочка, куда упиралась узкая дорожка – настоящая ловушка, из которой, казалось, никак не выбраться.

И все-таки каким же прекрасным был этот дом!

Но я должна кое в чем признаться. Я так и не смогла рассказать супругам Т. о том, что у нас живет кошка... Когда Мии мяукала, я замирала, вслушиваясь в малейший шорох из-за стены. «Умоляю, пусть господа Т. ничего не услышат».

Я расставила вдоль коридора самодельные лампы и любимые вазы, и по вечерам в их теплом свете переходила из кухни в гостиную, любуясь цветами в сосудах. А глубокой ночью уединялась в крошечной комнатке в четыре с половиной татами, которая служила мне и кабинетом, и спальней. Там я читала и писала.

Писать... Для меня это было важнее всего. Еще в доме в Футю, едва вернувшись с работы, я наскоро ужинала и садилась за стол. Я вошла в ритм: день – для хлеба насущного, ночь – для писательства. Я научилась проживать два разных дня за одни сутки. Не обращая внимания на вопросы

вроде «и что ты с этого получишь?», я не могла не писать – мной двигала неодолимая внутренняя потребность. Даже когда муж уже засыпал, я зажигала настольную лампу и до самого рассвета сидела над тетрадами. И тогда, за гранью обыденности, передо мной раскрывался иной мир, а слова обретали, казалось, безграничную силу.

Погрузившись в письмо, я слышала, как Мии тихонько пробирается наружу через щель в сарайчике рядом с ванной. «Только что слышала это», – думала я, поднимая лицо от листов. И тогда, в полумраке, мои глаза улавливали смутную тень, мелькавшую за стеклянной дверью. Я замирала, прислушиваясь к ночным шорохам. Это Мии осторожно ступала по бетонному забору, отделявшему наш дом от территории святилища. Ее неуверенная, крадущаяся походка вызывала во мне тревогу. Куда же она направлялась?

А ведь она так боялась высоты... Мысленно я следила за бледной тенью, таявшей в темноте. Наверное, она пробиралась под полом храма или в густой траве под деревьями. Даже если бы акациевой рощи не было, ветер все равно приносил бы сюда аромат леса.

Должно быть, Мии знала множество тропинок, неведомых мне. Тайные уголки, закоулки, места с дивными запахами. Скиталась ли она в одиночестве или в компании своих сородичей? Ее маршруты оставались для меня загадкой. Но стоило мне уловить ее нежное присутствие, как в моем сердце проступал и медленно опускался на дно души образ

Мии, шествующей по своей «кошачьей тропе»: настороженные уши-черепички, довольная поступь, с которой она возвращалась домой, словно увидев нечто восхитительное.

И в то же время, в этой всепоглощающей тишине, мой слух становился таким чутким, что улавливал шелест ветвей, переплетающихся где-то в вышине.

Часто она возвращалась под утро, и ее шерсть была тогда пропитана дивными ароматами – словно она успела поваляться в траве, в сухих листьях и влажной земле. Порой на спине или хвосте я находила частички сосновой хвои, кедровые иголки или темный перегной.

А я в это время прислушивалась к шуму ветра в вышине – над теми незнакомыми местами, где, должно быть, бродила моя кошка.

Вернувшись, она первым делом шла к своей миске на кухне. Попив воды, поев и тщательно вылизав шерстку, Мии укладывалась на солнечной веранде. Это было ее любимое место для послеобеденного сна.

Когда веранда уходила в тень, она перебиралась в ванную. Казалось, в остывшей воде еще долго сохранялось тепло, и потому крышка ванны стала для Мии вторым излюбленным местом для отдыха.

А иной раз она возвращалась глубокой ночью, изможденная ночными приключениями. Видимо, в такие моменты ей хотелось уединения – она обходила нашу с мужем постель и прямиком с кухни направлялась в ванную. Запрыгнув на еще

теплую пластиковую крышку, она спала там до самого утра.

Топилась баня.

А ты, как всегда, на крышке,

Свернувшись пушистым клубком, спала.

Твой хвост и загривок, мягкие и теплые,

Словно одеяло, прогретое солнцем, вздымались в такт
твоему дыханию.

Я звала – ты не шелохнешься.

Что ж, раз уж ты не просыпаешься, я сама шла в баню,

Чтобы лишь пальцем дотронуться до твоего носа,

Пока ты спишь.

Время текло

Сквозь теплую воду остывающей бани,

Над тобой, нежащейся

В этом мягком-мягком тепле.

«А, вернулась...»

Я всегда безошибочно узнавала о возвращении Мии. Будучи неуклюжей, она неизменно задевала что-нибудь в сарайчике или в ванной, и тотчас раздавался знакомый шорох. Если она не приходила в комнату, то обычно сидела на крышке ванны. Навещать ее стало моей маленькой радостью в перерывах между работой; я кралась на цыпочках и заглядывала внутрь. Чаще всего я заставала ее погруженной в безмятежный сон.

Стоило мне окликнуть ее, как она поднимала сонную мор-

дочку, но тут же обмякала и вновь растворялась в дремоте.

Как же мягка и беззаботна была она в эти мгновения! Я, затаив дыхание, подолгу стояла над ее круглой, свернутой калачиком фигуркой, в которой голова и хвост почти смыкались, и могла любоваться ею бесконечно.

Избранник Мии

И вот однажды у нас появились странные гости. Несколько котов, выстроившись в ряд на бетонном заборе, окружавшем наш дом, пристально смотрели в нашу сторону. Пятнистые, рыжие, черные – все сидели с видом полной уверенности. Стоило их прогнать, как они нехотя исчезали, но вскоре неминуемо возвращались.

Мии сидела на своем месте, лениво зевала и почесывала затылок задней лапой, но в ее движениях, таких непривычных для безмятежного отдыха, сквозило явное беспокойство. Вскоре я поняла: она ждала, когда ее возлюбленный кот придет позвать ее.

С первыми по-настоящему теплыми днями Мии стала вести себя беспокойно: то и дело выскакивала из своего укрытия и тут же возвращалась обратно. Стоило мне подумать, что она только что ушла, как с оглушительным шумом она уже мчалась назад. Затем начинала возиться у входа, но вдруг раздавался пронзительный крик – то ли она обо что-то ударилась, то ли ее преследовал другой кот – а следом доносился грохот опрокидываемых в сарайчике деревяшек и лопат. Пока я гадала, что происходит, она влетала в комнату, запыхавшаяся, с глазами, полными ужаса, словно ей явилось привидение.

Так у Мии началась первая течка.

Период зрелости наступил для Мии внезапно, хотя я все еще считала ее котенком. Еще несколько недель назад – не могу сказать точно, доносилось ли это из святилища, из рощи или с крыш – в разрывах влажного весеннего ветра проносились резкие, высокие крики нескольких котов. Именно с тех пор в ее повадках и появились эта нервозность, это беспокойство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.